УДК 808.2
ББК 81.411.2–5

А. С. Бойчук
аспирант, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (г. Волгоград, Россия),
e-mail: alexa-bs@mail.ru

Гастрономическая метафора как показатель социокультурных отношений в среде носителей русского языка

В статье анализируются проблемы, связаные с определением статуса гастрономических метафор; последние рассматриваются как показатель изменений, произошедших в социокультурной сфере. Исследуется роль гастрометафоры в процессе создания «портрета эпохи» в тексте художественного произведения, в связи с чем затронут вопрос о значимых чертах идиостиля А. П. Чехова. Приводятся примеры характеристики современного состояния общества с помощью данного типа метафор.

Ключевые слова: гастрономическая метафора, мотивационная система, социокультурный фактор, идиостиль, общество потребления.

A. S. Boychuk
graduate student, Volgograd State Social and Pedagogical University (Volgograd, Russia),
e-mail: alexa-bs@mail.ru

Gastronomic Metaphor as Socio-Cultural Relations Indicator Among Russian Speakers

The paper analyzes the problems associated with the definition of the status of gastronomic metaphors which are considered as indicators of changes in a socio-cultural aspect. The author investigates the role of gastro-metaphors in the process of creating a “portrait of the era” in literary texts and therefore, refers to the significant features of A. P. Chekhov’s idiostyle. The study illustrates the current state of society described with this type of metaphors.

Keywords: gastronomic metaphor, motivational system, socio-cultural factor, idiostyle, consumer society.

В исследованиях, посвящённых такому значимому аспекту человеческого состояния, как питание, неоднократно встречаются упоминания той немаловажной роли, которую играет пища в процессе становления индивидуума, установления связи с обществом, с культурой. Так, известный французский учёный, структуралист-антрополог К. Леви-Стросс пишет: «Удовлетворяя потребности тела, кулинарное искусство обеспечивает необходимое сочленение между природой и культурой. Возникшее из двух сфер, оно отражает эту двойственность во всех своих проявлениях <…>. Кулинария является языком, непроизвольно отражающим устройство данного общества или, по крайней мере, выявляющим противоречия, в которых общество не отдаёт себе отчёта [5, с. 372, 377].

В трудах В. В. Похлёбкина, одного из наиболее авторитетных специалистов в области таких специфических дисциплин, как гастрономическая история, семиотика кухни, кулинарная антропология, также постулируется мысль о тесной взаимосвязи набора продуктов питания и способов их обработки «с представлением личности о себе и своем месте во вселенной и обществе» [2, с. 222].

Значимым последствием использования в качестве объекта сравнения, лежащего в основе метафоры, объектов и явлений из тематической сферы «Гастрономия» является зависимость процессов возникновения и функционирования гастрономических метафор от социокультурных и исторических факторов.

Гастрономические метафоры составляют мотивационную систему, т. е. группу разнородных по значению метафор, внутренняя форма которых относится к одной тематической сфере, включающей номинации пищи, её вкусовых качеств и способов её приготовления.

© Бойчук А. С., 2012

Представленное исследование гастрономических метафор строится преимущественно на языковом материале произведений А. П. Чехова. Он был выбран как писатель, чьё творчество отражает наиболее актуальные тенденции в жизни общества соответствующего исторического периода (для чего активно используются гастрометафоры). Сопоставление полученного таким образом портрета чеховской эпохи с представлениями носителей русского языка о современности (начало XXI в.), выраженными в образной форме, даёт основания говорить об изменениях, произошедших в социокультурной сфере.

Если рассматривать гастрономическую метафору как идиостилевую черту определённого писателя, необходимо выявить связь между использованием данных образных выражений и целевой установкой автора.

Идиостиль, который понимается как «совокупность языковых и стилистико-текстовых особенностей, свойственных речи писателя, учёного, публициста и отдельных носителей данного языка» [4, с. 95], неизбежно отражает мировоззренческую установку автора, его взгляд на значимые исторические события, характеристику эпохи.

Обратившись к творчеству А. П. Чехова, мы, прежде всего, должны вспомнить особенности повествовательной манеры автора. Исследователи говорят о подробнейшей детализации в изображении обыденного течения жизни в произведениях А. П. Чехова. Описание бытовых подробностей вместе со стремлением к изображению «пошлости пошлого человека» создаёт предпосылки к активному использованию гастрономических метафор, которые, как правило, антропоцентричны, тесно связаны с чувственным восприятием окружающей действительности. Они либо обладают предметным значением, указывая на конкретные реалии материального мира (*общественный пирог, карамель народной литературы* и т. п.), либо физиологичны (когда перенос основан на детальном описании приёма пищи и сопутствующих состояниях человека).

Следует отметить также тот факт, что использование мотивационной системы, связанной с областью гастрономии, призвано оказать, прежде всего, экспрессивное воздействие (эстетическое отходит на второй план, несмотря на то, что речь идёт о художественном тексте). При этом актуальными оказываются преимущественно отрицательные коннотации. Вспомним здесь о наблюдении Г. Н. Скляревской, обратившей внимание на асимметричность системы оценок в рамках семантической сферы «Человек» (в которую как составляющая входит и сфера «Гастрономия»): мелиоративные оценки представлены скупо и фрагментарно, пейоративные чрезвычайно разнообразны [6, с. 120].

Сплошная выборка гастрометафор из полного собрания сочинений А. П. Чехова выявила 606 случаев употребления таких оборотов. Мы можем предположить, что активное функционирование метафор изучаемого типа в текстах произведений писателя обусловлено совокупностью факторов. Большое значение приобретает стремление автора отразить «контекст эпохи», оценить состояние общества опосредованно, через ассоциативные ряды и аллюзии, которые создаются путём обращения к тематической сфере «Гастрономия».

Характерной особенностью идиостиля А. П. Чехова можно считать использование обозначений вкусовых метафор для изображения *характера*, *эмоционального состояния человека* и *внешнего выражения эмоций на лице и в голосе*. Это значение для метафор данной группы является исходным, закреплённым в узусе на протяжении долгих лет. Создание таких метафор отвечает особенностям человеческого мышления, стремящегося привести к осознанию абстрактного (и особенно психических состояний человека) при помощи конкретного.

В произведениях А. П. Чехова частотное упоминание неприятного вкуса связано с творческой установкой на изображение людей определённого типа и склада характера, которых породила «эпоха безвременья», «отсутствия общей идеи» в русском обществе:

Наука и техника переживают теперь великое время, для нашего же брата это время рыхлое, кислое, скучное, сами мы кислы и скучны, умеем рождать только гуттаперчевых мальчиков [8, т.12, с. 272].

Характеризация персонажей у А. П. Чехова нередко происходит через обращение к таким семантическим признакам, как «сладость» (с компонентом значения '*избыточность*'), «приторность» и «кислота».

Показателем внутреннего состояния человека, особенностей его характера выступает *сладкое* лицо, глаза, улыбка. Активно используются писателем производные от данного слова прилагательные с суффиксами субъективной оценки *(сладенький)*, а также форма превосходной степени (*сладчайший)*. Посредством этого соз-

даётся эффект чрезмерности, навязчивости, что порождает ироническое отношение к описываемому объекту:

Лицо по-прежнему доброе, сантиментальное, сладенькое (8, т.10, с. 366).

От А. П. Чехова идёт тенденция, когда приторно-нежная, умильная «сладость» в обращении людей друг с другом проявляется там, где затрагивается тема чинопочитания, преклонения «маленького человека» перед вышестоящими:

С лица его летом течёт патока, в холодное же время сыплется сахарный песок […]. Почтительности учился по письмовнику Курганова, откуда с усердием, достойным иного применения, выштудировал все существующие на свете чин-чинапочитания [Слово дано в авторском варианте] *и сладости: «почтительнейше, покорнейше, ваше превосходительство, беру на себя смелость» и проч.* [8, т. 4, с. 391].

«Кислота» есть особенность внутреннего склада современного писателю образованного человека. Это сочетание в нём непривлекательных черт, среди которых и безыдейность, и неспособность к активному действию:

Зачем изображают одних слабых, кислых и грешных, и каждый, советуя брать только сильных, здоровых, интересных, разумеет самого себя [8, т.11, с. 391].

Метафоры со словом *кислый* там, где речь идёт не об абстрактных категориях бытия, характеристике эпохи, а о конкретной личности, используются в значении *'скучный, унылый'*. Внутреннее состояние описывается в основном через внешние характеристики: лицо, голос:

Лицо его точно дверью прищемлено или мокрой тряпкой побито. Оно кисло и жалко; глядя на него, хочется петь «Лучинушку» и ныть [8, т. 2, с. 120].

Примечательно, что для А. П. Чехова прилагательное *кислый* – прежде всего определение склада характера: если можно так выразиться, содержание «кислоты» в организме его героев неизменно. Для современного писателя метафора, основанная на обращении к кислому вкусу, описывает сиюминутные эмоции, настроение:

В Иване Исаевиче она открывала всё новые и новые достоинства, но скисала каждый раз от его «пинджаков» и «тубареток» [7, с. 118].

Описанная тенденция может быть связана с изменением в понимании ключевых характеристик эпохи со стороны носителей языка. Современному человеку ближе модель «сладкой жизни». Если в произведениях А. П. Чехова доминантой определённого исторического периода называется скука, то мы живём в «интересные времена», «эпоху перемен».

А. П. Чехов стал тем, кто ввёл в активное узуальное употребление множество слов и выражений (разговорных с точки зрения стилевой дифференциации), способствующих формированию экспрессивной оценки высказывания: *кислятина, кислолицый, раскисляющий, Кисляй (Кисляевич), кисляк* (к этой группе также относится окказиональная гастрометафора *мантифолия на уксусе*, используемая в значении '*нудно и долго, но с большой долей патетики говорить о чём-либо*'):

Я сам баба, тряпка, Кисляй Кисляич и потому терпеть не могу кислоты. Не люблю мелких чувств! [8, т. 7. с. 346].

Итак, характер используемых писателем метафор во многом связан с настроениями в обществе, актуальными для той эпохи (называемой также «эпохой безвременья»). Возникают параллели с нашим временем, когда активное использование гастрономических метафор связано с вхождением в узуальное употребление такого термина, как «общество потребления». Данное понятие используется для характеристики состояния сегодняшнего общества как в научных исследованиях (труды Э. Фромма, Г. Дебора, В. И. Ильина, В. П. Руднева и др.), так и в сознании большинства членов социума.

Гастрометафоры оказались весьма удобны для отображения изменений в ценностной шкале носителей языка. Для «общества потребления» характерно снижение планки духовных потребностей, приравнивание их в ценностном отношении к потребностям материального плана. К последним относится потребность в пище. Вследствие этого актуальной становится следующая метафорическая модель: сопоставление какого-либо культурного объекта с продуктом питания или блюдом. При этом «культурный продукт» (книга, фильм, музыкальное произведение) оценивается как нечто заведомо невысокой ценности, утверждается принадлежность его к массовой культуре:

Коктейль вышел на славу: здесь и добрый доктор Гильотен, и «Семнадцать мгновений весны», и даже «Ирония судьбы»… вот только зачем читателю переваривать сию щедро сдобренную казарменным юмором стряпню, давиться остывшим фастфудом или тухлыми котлетами (жур. «Мир фантастики». Т. 44. № 4. 2007. С. 30).

Примечательно, что у А. П. Чехова мы находим немало подобных оценочных высказываний, использующих гастрометафоры и касающихся современных писателю явлений культурного плана:

1. Начинил он свою картину всякой всячиной. Тут у него и голые женщины, и пещеры, и добывание огня через трение, и первый нумер «Сына отечества», и охота на мамонта, и бригадирский чин… Да простит ему Аллах эту мутную кашу! [8, т.4. с. 362].

2. Но таких страшилищ (я говорю о романах, какими угощают теперь публику наши московские бумагопожиратели вроде Злых духов, Домино всех цветов и проч.) ещё никогда не было [8, т. 4. с. 390].

Характерной особенностью идиостиля А. П. Чехова может считаться своеобразное применение метафор, связанных с наименованиями напитков. Как и «вкусовые» метафоры, они тесно связаны с областью передачи человеческих эмоций и чувств: «Эмоции уподобляются текучему телу, некоторому неспецифицированному по составу жидкому веществу, горькому или сладкому, благотворному или вредоносному (яду, отраве), которое человек может пить и изливать» [1, с. 390].

Для русской культуры характерным является разделение напитков на две большие группы: утоляющие жажду (прохладительные, безалкогольные) и горячительные, возбуждающие (алкогольные). Это противопоставление отражено в творчестве А. П. Чехова через придание «алкогольным» метафорам положительного аксиологического статуса. Для писателя характерно представлять некие качественные характеристики текста, содержательную глубину, эффект воздействия на читателя и т. п. как алкогольную составляющую напитка. Литература, оцениваемая как низкокачественная, лишённая «спирта», «алкоголя», приравнивается к «сладкому лимонаду». Найденные нами в текстах произведений А. П. Чехова выражения носят преимущественно окказиональный характер. При этом актуальность приобретает метафорическая модель: *Культурный объект / Напиток*, сходная с распространённой в современном социуме моделью: *Культурный объект / Блюдо*:

Вы горький пьяница, а я угостил Вас сладким лимонадом, и Вы, отдавая должное лимонаду, справедливо замечаете, что в нём нет спирта. В наших произведениях нет именно алкоголя, который бы пьянил и порабощал, и это Вы хорошо даёте понять […]. Скажите по совести, кто из моих сверстников, т. е. людей в возрасте 30–45 лет дал миру хотя бы одну каплю алкоголя. Разве Короленко, Надсон и все нынешние драматурги не лимонад? [8, т.12, с. 272].

Проведённый анализ позволяет говорить о том, что использование гастрономических метафор в текстах произведений А. П. Чехова являлось значимой особенностью его идиостиля. Появление того или иного образного выражения было обусловлено творческой задачей писателя, которая, в свою очередь, формировалась с учётом социокультурной проблематики, актуальной для того исторического периода. При помощи гастрономической метафоры, таким образом, создавался «портрет эпохи». Перспективным направлением исследования представляется использование указанного типа метафор для характеристики современного состояния языка с учётом социокультурных показателей.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1998. 896 с.

2. Генис А. А. Хлеб и зрелище: О кулинарной прозе Вильяма Похлебкина // Звезда. СПб. 2000. № 1. С. 220– 224.

3. Ильин В. И. Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность // Мир России. 2005. Т.XIV. № 2. С. 3 – 40.

4. Котюрова М. П. Идиостиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожиной. М. : Флинта: Наука, 2003. С. 95–99.

5. Леви-Стросс К. Мифологики. Т. 3. Происхождение застольных обычаев. СПб. : Университетская книга, 2000. 464 с.

6. Скляревская Г. Н. Метафора в системе языка. СПб., 2004. 166 с.

7. Улицкая Л. Медея и её дети. М. : Эксмо, 2004. 464 с.

8. Чехов А. П. Собрание сочинений : в 12 т. М. : Правда. 1985.

Статья поступила в редакцию 3 октября 2011 г.